

© 1999 г. Т.М. НИКОЛАЕВА, И. ФУЖЕРОН

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЕМАНТИКОЙ И СТАТУСОМ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С УСТУПИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ*

1. Неизбежность исследовательской логики привела к включению в круг проблем, связанных с сочинительностью, предложений со значением «уступительности». Наибольший интерес в этом смысле представил союз *хотя*, который (как будет показано далее) включается в высказывания, находящиеся в синтаксическом пространстве где-то между сочинением и подчинением¹.

Существующие работы по сложному предложению в русском языке непременно (и, как мы постараемся показать, несколько по-разному) связывают *хотя* с *хоть*. Поэтому, естественно, встал вопрос о функциональной тождественности этих двух лексем, о том, является ли их различие семантическим или стилистическим, или и тем и другим одновременно. В свою очередь, решение этого вопроса требовало обращения к фактам истории языка, к попытке определить смысловые схождения и расхождения этих двух союзов (как и многие союзы, часто трудно таксономически отделяемых от так называемых «частиц»). Таким образом, композиционно статья состоит из следующих разделов:

- некоторой исходной теоретической преамбулы;
- обсуждения вопроса о сочинительной или подчинительной сущности сложных предложений с *хотя* и *хоть*, то есть обсуждения вопроса об их лингвистическом статусе;
- обсуждения проблемы наличия или отсутствия противительного союза *но* в предложениях с *хотя* и *хоть*;
- попытки сформулировать основные функционально-семантические различия употребления *хотя* и *хоть* в синхронии и диахронии²;
- обсуждения проблемы функционально-семантического статуса «расширителей» этих лексем, вроде *и*, *бы*, *будет* и т.д.;
- обсуждения возможных гипотез о генезисе *хоть* как отдельной лексемы;

1.1. Изучение функционирования в славянских языках некоторого особого коммуникативного фонда, который мы условно называем «партикульным набором», привело к выводам, которые нужно предварительно эксплицировать (подробно об этом

* Эта статья возникла как результат совместного изучения соавторами структуры и семантики русских сложных предложений с сочинительными союзами *и*, *но*, *а*.

Работа выполнена в рамках программы сотрудничества CNRS (Франция) и РАН, № проекта 2650, тема «Взаимодействие лексико-синтаксических и просодических структур и роль этого в восприятии единиц во французском и русском языках». В соответствии с этим проектом см. сборник «Славянские сочинительные союзы» (М., 1997, издание Ин-та славяноведения и балканистики РАН), где опубликованы статьи Т.М. Николаевой и И. Фужерон и работа Р.Ф. и Л.Л. Касаткиных (тоже участвующих в указанном проекте) о диалектной специфике использования сочинительных союзов, а также статьи Е.В. Падучевой и В.С. Ефимовой по той же проблематике.

¹ Некоторые предварительные наблюдения авторов статьи по данной теме представлены в их публикациях и выступлениях: [Фужерон 1997, 1998; Николаева (в печати)].

² На самом деле, как будет показано далее, в игру оказались вовлеченными не две лексемы, а три: *хотя*, *хоти* и *хоть*.

см. [Николаева 1985]). А именно: на определенном этапе развития языка все лексемы коммуникативного фонда (частицы, союзы, междометия, местоимения, местоименные наречия и под.) в отличие от знаменательных слов-апеллятивов, могут быть описаны через порождающую комбинаторную грамматику, где исходными компонентами являются либо моновокальные единицы (*а, о, у, и, е*), либо комбинации вокалов с прикрывающим их инициальным консонантом: *ли, бо, да, къ, ть* и многие другие.

Получаются комбинации типа *и + бо, ли + бо, и + ли, е[je] + же + ли, у + же, у + бо, къ + то, та + къ* и под., даже протяженные типа *не + у + же + ли*. К таким комбинациям восходят и наречия типа *здесь, там, тут* и под. Условно эти порождающие возможности были названы «конструктором». Как правило, фонетика этих партикулярных единиц довольно проста: V, VC, V/c/ (необъяснимым пока моментом является отсутствие в них звука Р, напротив, характерного для индоевропейских предлогов, которые ориентированы не на коммуникативную, а на денотативную сторону высказывания). На уровне кодификации такие комбинации партикул могут представлять в одних языках контактно и графически слитно, а в других как дистантные и графически раздельные компоненты, см., например, болгарское *дали (да + ли)* и русское *Да идешь ли ты?*, где *да* и *ли* дистантны. Одни и те же генетически партикулы и партикульные комплексы могут по-разному функционировать в родственных языках: либо как междометия, либо как частицы, либо как союзы. Это относится и к корреляции между литературным языком и диалектными употреблениями. Так, например, Р.Ф. и Л.Л. Касаткиным принадлежит важное наблюдение о том, что в русских диалектах *ну* (междометие в литературном языке) функционирует в качестве противительного союза, то есть как литературное *но* [Касаткин, Касаткина 1997], которое в свою очередь в диалектах мало употребительно. Простые по составу партикулы могут быть функционально синонимичны составным, например, русское *да* и чешское *а + но*. Возможна синонимия комплексов, например, литературное *даже (да + же)* и нелитературное *ажно (а + же/е/ + но)*, где *а* и *но* соотносятся с *да*, а *же* = *ж*. Важна, таким образом, идея, что даже в одном языке и одном стиле отделить союз от частицы, а частицу от междометия бывает не всегда возможно. Так, В.В. Виноградов, говоря о союзе *хотя*, пишет, что круг значений этого союза и его дублета *хоть* суживается тем, что они «являются одновременно и союзами, и уступительно-ограничительными частицами» [Виноградов 1972: 537]. А.М. Пешковский, анализируя союз *хотя*, приводит пример *Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*, где, по общей классификации, *хоть* является частицей [Пешковский 1956: 489].

Все эти комбинаторные порождения можно уподобить и калейдоскопу, где разнообразные «картинки» создаются небольшим числом исходных простых фигур. Интересно при этом следующее. Находящаяся в распоряжении Т.М. Николаевой программа порождения всех возможных комбинаций из 10 инициальных компонентов от 2 до 4 составляющих дает общее число около 5000 вариантов. Однако реальные языки используют небольшое количество таких комбинаций. При этом важно, что порождение по этому «конструктору», как видно, далеко не исчерпавшее себя, вдруг прекращается, и языки начинают использовать для коммуникативных целей «застывшие» формы знаменательных слов типа *пусть, пускай, буде, несмотря* и под. Явление это отмечено для всех славянских языков (вероятно, и не только для них). Стимулирующим для будущих исследований является выяснение причин этого процесса.

Однако, по нашему мнению, интересно и то, что процесс порождения «партикульных» комбинаций при этом не останавливается, и новые квази-партикулы начинают вовлекаться в этот процесс комбинаций и ре-комбинаций.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам. Так, неясно, например, как трактовать в этом свете *хоть + и, хотя + бы* – как единый комплекс или как сочетание лексем? Далее, в частности, мы остановимся на параллелизме в древнерусском *хоти... ино* (теперь не употребляющееся). Имеем ли мы дело здесь с перераспределением *хоти + и + но*, и – тем самым – все с тем же известным сочетанием *хоть + и*, или здесь необходима другая трактовка?

1.2. Второй, необходимой для преамбулы, исходной установкой является мысль о том, что сложные предложения (как сложносочиненные, так и сложноподчиненные) не раскладываются по отдельным функциональным «полочкам»: условные, уступительные, временные, определительные и под., а располагаются в сфере синтаксиса по полювому принципу, создавая крупные семантические «узлы», где смысловые и синонимические связи оказываются очень сильными. Так оказываются связанными отношения причинности, условности, противительности и интересующей нас уступительности. Недаром уступительность именуется «обратной обусловленностью» и совершаемые действия противоречат этой обусловленности. Поэтому так же в таксономическом плане затруднительно сказать, имеем ли мы дело в высказываниях типа *Хоть Вы и умный человек, но в данном случае я с Вами не согласен с комбинацией* двух синтаксических смыслов: 1) А – но – В + 2) *Хоть А – В* или же с единой уступительно-противительной моделью. О подобной связанности по полювому принципу категории уступительности говорится во всех «фундаментальных» грамматиках русского языка [АГ-1954; АГ-70; АГ-80], но наиболее подробно это разработано и сформулировано В.Б. Евтюхиным в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса – обусловленности».

Кроме того, при анализе функций союза необходимо помнить, что внутренняя семантика соединяемых союзом предложений безразлична для интерпретации общего смысла высказывания (но может быть и безразлична!). Так в бессоюзном *Чин следовал ему – он службу вдруг оставил!* семантика уступительности обеспечивается и без союза, в сочетании же двух предложений: *Папа болеет, мама уезжает в командировку*, только союз может обеспечить верную интерпретацию соотношения этих событий. В монографии [Николаева 1969] выводятся правила иерархического доминирования для союзных и бессоюзных сложных предложений у трех показателей: союза (С), лексического состава (Л) и знака препинания (ЗП)³.

1.3. Важно подчеркнуть далее, что собственно уступительные отношения и союзы *хотя* и *хоть* в этом значении возникли довольно поздно⁴, но на более раннем этапе в древнерусском языке использовался союз *аще*, имевший условно-уступительное значение (подробно об этом см. [Лавров 1941]). В некоторых текстах, как пишет Лавров, союз *аще* имеет почти всегда уступительное значение, а условные функции выполняет *буде* [Лавров 1941: 118]. (О происхождении современных *хотя*, *хоть* и древнерусского *хоти* будет подробно говориться в нашей статье далее.) Известно, однако, что союз *хотя* использовался еще в «Русской правде» [Кухаревич 1955].

2. Являются ли уступительные союзы *хотя* (*хоть*) союзами подчинительными или сочинительными – вопрос, поднимающийся многократно на страницах грамматических описаний, хотя сам термин «придаточное предложение» впервые встречается у русских грамматистов первой половины XIX века: А.Х. Востокова в «Русской грамматике» (1831 г.) и Н.И. Греча в «Практической русской грамматике» (1834 г.)⁵. В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 555] возводит возникновение этой таксономической неразрешенности в описании к трудам Д.Н. Овсяннико-Куликовского [Овсяннико-Куликовский 1912], который относил уступительные союзы к сочинительным. Перечень основных

³ С.А. Шувалова в статье «Сложное предложение» вводит удачное понятие «фразеологизированных схем» для сложного предложения, когда в одной из его частей выступает «полностью или частично опущенный лексический элемент» типа *Не успел..., Стоило...* и под., практически стоящий на грани лексических единиц и союзов [Шувалова 1998: 513].

⁴ В настоящей работе мы пользуемся терминами *уступительность* и *уступительные союзы*. Однако, изучение литературы по этому вопросу неожиданно продемонстрировало, что в петербургских (ленинградских) исследованиях используется термин *уступка* (аналогично-условию), в других же российских трудах этот термин не применяется.

⁵ Используются данные из монографии: [Валгина, 1971: 289 и далее], где автором подробно излагается история вопроса.

точек зрения по этому поводу приводится в широко известной работе С. Ильенко [Ильенко 1966]. Однако тенденция относить уступительные предложения к сложноподчиненным все же является более общепринятой⁶. Попытку выйти из этой таксономической затрудненности делает Н.Е. Кухаревич [Кухаревич 1955]. Единственный выход из многочисленных тупиковых вариантов квалификации уступительных предложений автор видит в расчлененном описании каждой из конструкций со значением уступительности, когда дается «дифференцированный подход» с модификациями метаописания. Своеобразный подход предлагается в кандидатской диссертации Н.П. Перфильевой [Перфильева 1984]. Н.П. Перфильева предлагает ввести в синтаксический обиход особый вид синтаксических структур – УПК (уступительно-противительные конструкции) и рассматривать их в виде особого класса, поскольку «семантика УПК гораздо сложнее смысловой структуры как уступительных, так и противительных конструкций, и отношения, которые складываются в УПК, являются собой результат взаимодействия уступительных и противительных отношений» [Перфильева 1984: 12]. Таким образом, подходы Кухаревич и Перфильевой как бы противоположны. В некотором смысле идеи Н.П. Перфильевой и Н.Е. Кухаревич оказываются объединенными в подходе Р.М. Теремовой, монография которой является в настоящее время основной специальной работой, посвященной проблемам уступительных корреляций [Теремова 1986]. По идее Р.М. Теремовой, «структура уступительной конструкции очень сложна». Она формируется четырьмя семантическими компонентами, комбинации которых определяют каждый подвид уступительного высказывания. Эти компоненты следующие: 1) У (П 1) – уступительный компонент, событие-уступка, недействительное основание, 2) С 1 – ожидаемое на основании П 1 следствие, 3) П 2 – превосходящая причина, 4) С (С2) – следственный компонент, фактическое следствие. По мнению Р.М. Теремовой: «Уступительная ситуация в полной мере иллюстрирует тезис о том, что значение сложного предложения – это не сумма смыслов, а качественно новый смысл, возникающий в результате взаимодействия семантических компонентов» [Теремова 1986: 5]. Ранее А.В. Богомоловой [Богомолова 1955] также высказывалась мысль о полном представлении отношения уступительности как триады: препятствие в придаточном – действие в главном – некая причина, превосходящая препятствие в придаточном: *И хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца* [(Горький) пример А.В. Богомоловой⁷]. Разумеется, в настоящее время наиболее значительной работой по семантике, анализу категориального статуса, и интерпретации текстовой нагруженности сложных предложений является монография М.В. Ляпон [Ляпон 1986], где уступительность и ее проблематика вписываются в рамки общей концепции автора.

Согласно точке зрения М.В. Ляпон, в «чистом виде» уступительный принцип эксплицирован союзом *несмотря на то, что* и его семантическими эквивалентами. Интересующие нас «союзы» *хотя* и *хоть* она называет «релятивами неаналитической структуры» [Ляпон 1986: 139] и считает, что они используются как модификаторы собственно-уступительных отношений. В большой степени, по мнению М.В. Ляпон, при этих релятивах играет роль контекст (см. выше ссылки на работу [Николаева 1969]), а там, где смысл не подтверждается контекстом, релятив не дает оснований для квалификации сообщения как уступительного, то есть содержащего «отвергнутое основание»: например, *Хороши такие летние туманные дни, хотя охотники их не любят* (И. Тургенев) [Ляпон 1986: 139].

Однако, несмотря на то, что в 1986 году вышли такие фундаментальные работы, как книги М.В. Ляпон и Р.В. Теремовой, статус уступительных предложений по-прежнему остается неопределенным.

⁶ К сожалению, нам не удалось ознакомиться со статьей В. Павловского [Павловский 1911].

⁷ Небезынтересно отметить, что именно этот пример проходит практически через все работы, посвященные категориям уступительности, однако часто он представляется бинарно, хотя именно его эксплицитная трехчленность является более интересной для синтаксиста.

Так, если обратиться к энциклопедическим статьям самого последнего времени, мы видим, что С.А. Шувалова в статье «Сложное предложение» в Энциклопедии «Русский язык» пишет: «В некоторых случаях провести разграничение между сложно-сочиненным и сложноподчиненным предложением не удастся, поскольку в сфере сложного предложения отсутствует резкая граница между сочинительной и подчинительной связью» [Шувалова 1997: 513]. Пример С.А. Шуваловой – именно уступительное предложение: *Хотя уже стемнело, но люди не расходились*. Разумеется, осторожная формулировка С.А. Шуваловой диктуется именно проблемами самих уступительных предложений.

2.1. Существуют в литературе и формальные способы различения конструкций сочинения и подчинения. Так, А.М. Пешковский, обращаясь к разработанному им и ставшему широко известным критерию обратимости для сочинения и необратимости для подчинения, пишет о том, что, при перестановке соединяемых противительным союзом членов, «обратимости» мешает наличие семантики уступительного характера. Один из его примеров:

*Грядущие годы таятся во мгле,
Но вижу твой жребий на светлом челе,
где оказывается невозможным:
Вижу твой жребий на светлом челе,
Но грядущие годы таятся во мгле,*

в отличие от структур типа *Он строг, но справедлив* и *Он справедлив, но строг*. А.М. Пешковский пишет, что «при перестановке таких предложений необходимо противительный союз заменить уступительным» [Пешковский 1959]. Получается:

*Вижу твой жребий на светлом челе,
Хотя грядущие годы таятся во мгле.*

Однако, при этом остается неясным ряд вопросов. А именно: что мы при этом делаем? 1). Переходим от сочинения к подчинению? 2). Заменяем союзы и делаем позиционную перестановку? 3). Уловив уступительность в структуре первого предложения, эксплицируем ее в виде союза?

2.2. Возможно, имеет смысл еще раз обратиться к формальному критерию, предложенному С.И. Карцевским в его известной работе «Deux propositions dans une seule phrase» [Karcevskij 1956]. По мнению С.И. Карцевского, отношения подчинения бывают представлены формулами t/k и k/t . Показатели эти – местоименного характера. (Возвращаясь к сказанному выше, можем сказать, что они восходят к устройству, названному нами «конструктором».) Если отвлечься от уступительных структур, то неместоименного происхождения и союз *если* (он смешанного характера: из *есть* + *ли*).

Таким образом, к уступительным предложениям неприменима ни одна из формул С.И. Карцевского. А именно:

а) союз *хотя* не местоименного, а глагольного происхождения,

б) на месте указательного местоимения серии t оказывается союз – показатель сочинительной связи (*Хотя она была богатой невестой, но всю жизнь прожила одна*).

в) С.И. Карцевский отмечает, что, кроме предложений с условным придаточным, нормативной, немаркированной, является формула t/k , а формула k/t – это формула окрашенная, экспрессивная. И действительно, примеры типа *Ты куда собираешься?* – *Куда я собираюсь, тебя не касается* – эмоционально окрашены. Не случайно именно формула k/t выступает во фразах афористических, гномического характера, лозунгах и под:

*Кто не работает, тот не ест!
Кто не с нами, тот против нас!
Кого люблю, того и бью и т.д.*

Именно для уступительных структур (подробнее об этом далее) характерна **препозиция** части с союзом *хотя*.

г) Многие лингвисты (в том числе Карцевский и Пешковский) приравнивали характеристики подчинения к отношениям между определяющим и определяемым в простом предложении. В уступительных предложениях эти отношения констатировать труднее. Например, *Хотя ничего не решено окончательно, мы, наверное, поедим в Париж* (Б. Пастернак); *Хотя в денежном выражении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе* («Судьбы людей». М., 1996). Такие высказывания легко превращаются в сочиненные, где отношения подчинения отсутствуют.

д) Уступительные предложения легко парцеллируются, уступительная часть выделяется в отдельное, самостоятельное предложение:

Назаров оказал медвежью услугу, предложив Володьке (роль) Рябого. А тому не надо было соглашаться. Хотя я, кажется, неправ. (В. Золотухин). В такой функции, как можно представить, не выступают придаточные «классического толка».

Таким образом, можно констатировать, что лишь неотторжимость союза *хотя* от вводимой им части свидетельствует в пользу отнесения уступительных сложных предложений к подчинительным. В этом отношении целесообразно привести высказывания В.А. Белошапковой, много занимавшейся общими вопросами сочинения и подчинения: «Таким образом, существует порочный круг: в качестве основания для установления или наличия синтаксической зависимости (сочинение/подчинение) выдвигаются определенные группы союзов, а в качестве основания для деления союзов на эти группы – отсутствие или наличие синтаксической зависимости между компонентами предложения, соединяемыми союзами» [Белошапкова 1967: 87].

Это еще раз подтверждает **гибридность** статуса предложений с уступительными союзами, наличие в синтаксисе зоны, пограничной между сочинением и подчинением. (В.А. Белошапкова квалифицирует уступительные предложения как расчлененные предложения гибкой структуры [Белошапкова 1967: 126], то есть и в ее классификации имплицитно скрывается мысль о гибридности уступительности).

3. Как объяснить, если идти далее, тот факт, что *хотя*, как будто бы само по себе достаточное для выражения уступительной семантики, иногда обязательно требует присутствия *но*, иногда *но* является факультативным, а иногда даже излишним?

Известно, что предложения с *но* в меньшей степени зависят от контекста, чем предложения подчинения, хотя внутри таких предложений именно часть, вводимая через *но*, оказывается самой важной и весомой [Санников 1989]. См.: *Она работает хорошо, но медленно. Нам такая скорость будет мешать. И – Она работает медленно, но хорошо. Мы возьмем ее на работу.*

Что касается сложного предложения с *хотя*, то чаще всего его семантика базируется на чем-то уже известном, на каком-то знании, на пресуппозиции, на обращенности к предыдущему контексту. Можно предположить, что придаточное уступительное в препозиции более значимо, более информативно, чем в постпозиции. Постпозитивное предложение семантически ослаблено, часто является заключающей прибавкой, после которой контекст уже не развивается:

Со мной было двое парней, один из них все пытался бакалавра сдать, хотя ему было, наверное, года двадцать два или двадцать три (из устного разговора);

И это на деньги отца мать торжественно делает раз в месяц пельмени – кушанье, которое я жадно люблю и которого всегда нетерпеливо ожидаю, хотя мне известно, что его можно есть только однажды в месяц, «после двадцатого» (Ф. Шаляпин);

Я совсем ошалел от «Огненного ангела», это самый совершенный русский роман, хотя, конечно, у Достоевского отдельные места ярче. (письмо С.М. Соловьева);

Путешественники были одеты по последней парижской моде, даже бороды у мужчин были подстрижены на французский манер (...) Сидели они за столиком с остатками ужина и неубранной еще посудой и попивали красное вино. Около них на полу лежал их ручной багаж (...) Мужчины были невеселы, хотя перед ними и стояли три

опорожненные бутылки из-под красного вина и на половину отпительный графинчик коньяку. Они были слишком утомлены большим переездом из Парижа в Марсель и разговаривали, позевывая (Н. Лейкин). Видно, как в последнем примере информация, вводимая через *хотя*, является как бы «случайной». Таким образом, при позиции *хотя*, смысловым центром становится инициальная, то есть подчеркнутая позиция «главного», и ее нет необходимости еще раз эксплицировать через *но*.

Можно предположить в качестве гипотезы, что *но* вводится в тех случаях, когда придаточное и главное имеют одно и то же подлежащее, которое часто элиминируется и как бы «возвышается» введением *но*.

– Ври, ври большие! Никакой даже и губернии Апельсинской нет. Апельсины только в Италии растут.

– Ну, тебе и книги в руки. Ведь нам в сущности все равно. Я хоть в коммерческом училище тоже два года проучился, и географию мы учили, но до южных стран не дошел, и отец взял меня оттуда (Н. Лейкин).

Там же, где в главном и придаточном в уступительных структурах подлежащие разные, *но* часто отсутствует⁸.

Хотя подготовка реформы действительно началась до революции, последняя точка в этой дискуссии была поставлена искусственно («Русская мысль»);

И хотя уже давно мимо вагонного окна разворачивались поля (...) Франц еще ощущал, как отъезжает городишко, где он прожил двадцать лет (В. Набоков);

Хотя в денежном отношении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе («Судьбы людей»).

Отсутствие союза *но* отмечается и в тех случаях, когда синтаксические структуры придаточного и главного предложений не являются параллельными, например, стыкуются безличное придаточное и личная форма в главном предложении:

Антонина прирабатывала к его пенсии шитьем. И хотя ему было это не по душе, он никогда с ней об этом не заговаривал (В. Максимов);

В духовном хоре, где я пел, был симпатичный юноша Панкратьев. Хотя ему было уже семнадцать лет, он пел еще дискантом (Ф. Шаляпин).

В каких же случаях *но* присутствует и тогда, когда и в главном, и в придаточном подлежащие разные? Можно предположить, что оно **выделяет тему** во втором предложении, подобно тому, как это делает союз *а* в противительных конструкциях:

Отец уже ездил смотреть квартиру, а я / поеду завтра;

– Ты отделалась?

– Комната убрана, а кухня / еще грязная.

См.:

Марко должен был со временем стать правителем всего королевства, но Антонио / не хотел подчиняться своему старшему брату (В. Брюсов).

Введение *но* в таких конструкциях может влиять на порядок слов в главном предложении, а именно: тема выделяется также и позиционно:

Хотя шел дождь, мы поехали на дачу.

Ср.: Хотя шел дождь, но на дачу / мы поехали.

Актуализируются через *но* и тематические выделяемые обстоятельства с семантикой противопоставления:

Хотя я не люблю дождь, но иногда / именно в дождливую погоду меня тянет погулять;

⁸ Авторы отлично понимают, что в принципе можно употребить и *но* в подобных случаях, однако, как представляется, возможна уже и такая исследовательская оптика, когда о родном языке сообщается не в категории: можно/нельзя, а в категории: это скорее будет так, а не так.

У сапожника Андреева я сразу попал в тиски. Хотя я умел сучить щетину и точать, но здесь / меня заставили мыть пол, ставить и чистить самовары [...] и вообще началась каторга (Ф. Шаляпин);

[Гамбринус]. Так называлась пивная в бойком портовом городе на юге России. Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, но найти ее / было довольно трудно, благодаря ее подземному расположению. Часто посетитель (...) умудрялся миновать ее. (А. Куприн). Возможно, что при отсутствии *но* порядок слов был бы иным: Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, ее было довольно трудно найти, благодаря ее подземному расположению.

Таким образом *но* в подобных примерах может выполнять функцию, сходную с функцией союза *а*, который, как отмечалось в ряде работ И. Фужерон [Fougeron 1987 и др.], членит второе предложение на тему и рему, тогда как первое оказывается нечленимым. Эти синтактико-интонационные наблюдения соотносятся с общей идеей И. Фужерон, которая, вслед за Ж.-Ш. Перро [Perrot 1971], не принимает существования структур: R-T | T-R, а считает первую часть цельной, а вторую – приложением к ней. Тогда противительные союзы членят вторую часть.

4. Выше говорилось о том, что авторы попытались найти (обнаружить) семантико-функциональные различия уступительных союзов *хотя* и *хоть*.

Квалифицируются эти союзы в литературе по-разному. Существуют следующие варианты:

1) *Хотя* (*хоть*). То есть тем самым они объявляются полностью синонимичными.

2) *Хотя* (разг. *хоть*). Здесь *хоть* объявляется стилистическим (или стилистико-функциональным?) вариантом.

3) *Хотя*, *хоть*... Таким способом они объявляются разными союзами, но об их различии как правило не сообщается и в дальнейшем они фигурируют именно такой двоякой парой.

Существует мнение, что *хоть* – феномен фольклора: пословиц, былин, поговорок. Не исключает его и трактовка *хоть* как фактора ритмического, как бы «краткого» односложного варианта *хотя*. Наконец, *хоть* считается признаком несколько простонародного употребления. И, разумеется, все эти наблюдения справедливы.

По поводу функциональных различий *хотя* и *хоть* существует публикация Н.П. Перфильевой [Перфильева 1977]. Автор ощущает отсутствие обоснований для объявления *хоть* «фонетическим» вариантом от *хотя* и обследует составленную ей картотеку из 220 примеров сплошной выборки (художественная литература XIX и XX века). Кратко ее выводы можно характеризовать так, что *хоть* чаще встречается в «нереально-уступительных» конструкциях, а *хотя* – в «реально-уступительных» и сопоставительно-противительных. Кроме того, *хоть*, по ее мнению, ближе к частице, выполняя ограничительную функцию, и потому – это таксономически гибридная лексема, а *хотя* – ближе к собственно союзу. Тем самым, «*функционалы* *хотя* и *хоть* не являются вариантами» [Перфильева 1977: 69].

И все же функциональные различия этих союзов, именно как союзов, ощущаются и в современном русском литературном языке⁹.

Например, скорее всего будет сказано: *Хоть* Вы меня всегда и обижали, а я к Вам все равно хорошо отношусь (но не *хоть*); Он подолгу оставался на работе, *хотя* у него и дома были все условия (не *хоть*); Она какая-то нескладная, *хоть* и красавица (скорее *хоть*, а не *хотя*); Я продолжал бежать, *хотя* силы уже иссякали (здесь вряд ли *хоть*).

Можно предположить, что *хотя* до сих пор сохраняет свою исходную функцию быть деепричастием (причастием) настоящего времени от глагола *хотеть*¹⁰. Иначе говоря, *хотя* стремится передавать параллельные акциональные процессы, состояния, поступки.

⁹ Еще раз напоминаем о том, что речь будет идти не о невозможности / возможности, а о некоторой обнаруживаемой тенденции употребления этих союзов.

¹⁰ О существующих неясностях в определении происхождения союза *хоть* будет говорить да-лее.

Тогда естественно предположить, что *хоть* связывается с иной сферой временного статуса. Действительно, *хоть* передает как правило состояние статальное, как бы извечный статус, или статус сегодняшнего дня, но **не действие в настоящем**, наконец, этот союз передает действие, совершенное в прошлом, или даже действие, предполагаемое в будущем.

См., например, прекрасно иллюстрирующий этот тезис пример из «Моцарта и Сальери» Пушкина:

И никогда на шопот искушенья

Не преклонился я,

Хоть я не трус,

Хотя обиду чувствую глубоко.

Здесь очевидно постоянство признака в первом случае – с *хоть* и одновременность состояния двух акциональных феноменов во втором – с *хотя*.

Итак, *хоть* как бы отходит от неопределенности сейчас свершающегося события, в отличие от совпадающего с ним по времени *хотя*.

Поэтому именно *хоть* гораздо чаще сопрягается с *и*, которое уводит восприятие от настоящего момента, переводя происходящий факт в сферу известности, определенности, некоторой анафоричности: *Утро было светлое, хоть и холодное*.

Подобное *и* связано с категорией определенности, известности, так что высказывалось даже предположение, что такое русское *и* можно считать (условно!) чем-то вроде «определенного артикля» при глаголе [Николаева 1985: 113]. Например,

– *А Вы бы поискали это в «Доме книги»!*

– *Я и был там.* (Или – *Я там и был*).

Необходимо заметить, что здесь еще раз встает проблема требования / не требования дистантности или контактности при квалификации лексемы как цельного единства. Иначе говоря, если завтра будет принято решение о слитном написании с частицей *бы*, то тут же – как естественный факт – возникнет союз-частица *хотя бы*, подобно даже или *неужели*. Поэтому не так просто ответить на вопрос, не существует ли как цельность союз *хоть и* (и даже *хотя и*) или это все-таки комбинация двух союзов. К этому же кругу проблем относится и вопрос (более остро он встанет ниже, при обсуждении древнерусских данных) о синонимии союзных лексем с «распространителями» и без них. В частности, очевидно, что и *хоть*, и *хотя* в сочетании с существительными конкретного значения имеют семантику минимизации, однако они не противопоставлены друг другу «прямо», то есть, нельзя сказать: *Дайте хоть кусок хлеба* vs *Дайте хотя кусок хлеба*, но *хоть* в таких конструкциях противостоит *хотя бы*, то есть *хотя* с распространителем *бы*. Семантическое противопоставление в этом случае, как представляется, следующее: *Хоть* ориентировано на ноль, на возможную опасность не получить ничего, а *хотя бы* – на некий исходный, но ожидаемый минимум с надеждой на нечто большее. То есть *Дайте хоть два рубля* имеет в пресуппозиции: если у Вас так плохо с деньгами, и Вы не хотите ничего давать, а *Дайте хотя бы два рубля* подразумевает: а если больше, то было бы еще лучше.

4.1. В свете всего вышесказанного важно отметить, что сформулированная выше функциональная дистрибуция примеров с *хоть* и *хотя* вполне отчетливо просматривается в наших «академических» грамматиках русского языка, однако, по нашим наблюдениям, на это ранее просто не обращали внимания.

Например (используем приведенные там данные):

Я обрадовался, увидев родной город, хоть и неласков он был ко мне (Ф. Шаляпин) – известное предшествующее состояние;

Иван Степанович, хоть и был инструктором по спорту на этой гимназической площадке, был все же в преподавательском персонале и ходил в учительской тужурке и фуражке (Ю. Олеша) – постоянный статус персонажа.

Вы хоть и мастер угадывать, однако же ошиблись (Ф. Достоевский) – также известный постоянный статус.

Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно.

На сей однако ж раз послушал их Зевес (И. Крылов) – известное постоянное свойство богов.

Приведем примеры на *хотя*:

Ей пробовали рассказать, что говорил доктор, но оказалось, что, хотя доктор и говорил очень складно и долго, никак нельзя было точно передать того, что он сказал (Л. Толстой) – одновременный процесс речи и непонимания.

Мой репертуар стал казаться мне заигранным, неинтересным, хотя я и продолжал работать, стараясь внести в каждую роль что-то новое (Ф. Шаляпин) – одновременность акции и внутреннего состояния.

Учился он порядочно, хотя часто ленился (И. Тургенев) – одновременность протекания акциональных процессов.

Хотя было еще рано, но ворота оказались закрытыми (В. Короленко) – одновременность двух состояний.

Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда (М. Горький) – одновременность двух процессов.

Хотя в комнате были только эти двое товарищей – друзей, начальник артиллерии со всей военной выправкой подошел, остановился и рапортовал о предварительном исполнении приказа (А. Толстой) – одновременность действия и состояния.

Можно ли, отметив подобную тенденцию, тут же фиксировать случаи контр-примеров, то есть случаев, когда эти союзы употребляются не так, как мы предположили выше? Разумеется, можно.

Прежде всего бóльшая краткость *хоть*, его неоспариваемая «разговорность», ведет к его предпочтительному использованию в кратких поэтических жанрах, особенно – в баснях, эпиграммах, частушках и под. При этом нужно учитывать и иные, чем у *хотя*, ритмические возможности *хоть*: двусложное слово vs односложное. Например, у И.А. Крылова: *Хоть видит око, да зуб неймет* – при несомненной одновременности действия, *хоть* обеспечивает ритмический рисунок.

Кроме того, *хотя* – слово более протяженное и более «книжное» – является более предпочтительным у писателей при описаниях разного типа, при рассказе о разворачивающихся событиях и т.д. Несомненно, что деловой язык предпочитает именно *хотя* (возможно, и из-за своей большей ориентированности на «презентное» состояние).

Таким образом, целесообразнее говорить не о семантической оппозиции этих двух союзов, а о тяготении каждого из них к разным полюсам некоей общей семантической шкалы.

5. В связи со всем вышесказанным было существенно понять пути эволюции *хотя* и *хоть* в диахронии, а также их схождения и расхождения на разных этапах истории русского языка. В Словаре И. Срезневского анализируется только *хотя*¹¹. Словарь русского языка XI–XVII, издаваемый Институтом русского языка РАН и Словарь русского языка XVIII века, издаваемый Институтом лингвистических исследований РАН, до этих слов в своих выпусках еще не дошли. Таким образом, основным источником явилось использование материалов Картотеки Словаря русского языка XI–XVII веков Института русского языка РАН¹². Мы пользуемся случаем поблагодарить за эту возможность руководство Словаря и сотрудников отдела.

¹¹ *хотя* – союз со значением: по крайней мере и со значениями *хотя-хотя бы-если* [Срезневский 1959: 1394].

¹² Для уточнений и расшифровок использовался: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. в порядке алфавита сокращенных обозначений. М., 1984.

Собранный материал показал, что анализу подлежат **не два слова: *хотя/хоть***, а **три: *хотя*, *хоть* и *хоти***. Последний союз, в настоящее время не употребляющийся, в древнерусском языке книжного стиля представлен широко и несомненно по своему происхождению является «застывшей» формой императива от *хотети*, подобно тому, как императивами являются и другие уступительные союзы: *пускай* и *пусть*. *Хотя* же, как уже говорилось – это форма деепричастия от того же глагола, аналогичная *несмотря* от *смотреть*. О происхождении лексемы *хоть* будет говориться специально, в заключительной части статьи. Сейчас же необходимо заметить, что именно этот союз-частица *хоть* оказался представленным в Картотеке минимальным числом примеров, в отличие от *хоти* и особенно – от *хотя*. В дальнейшем используются только примеры на *хоть* из Картотеки, встреченные в **книжных** текстах, и не привлекаются данные, почерпнутые из сборников пословиц, поговорок, народных речений и проч., как плохо датируемые.

Заметим, что оппозиция *хотя/хоти* не отмечается для текстов не-книжного характера. Например, А.А. Зализняк в своей фундаментальной монографии о древне-новгородском диалекте [Зализняк 1995] не фиксирует ни *хоти*, ни *хоть*, но приводит четыре контекста с *хотя* (*хотѧ*).

1) Грамота № 605 (конец XI – нач. XII вв.):

...оже ми лихѡ мѣлаваше и покланяю ти сѧ братьчѣ мои то си хотѧ мѣлави ты еси мои аѧ твои [Зализняк 1995: 246]. Здесь несомненно значение минимизации "хотя бы".

2) Грамота № 724 (предположительно 1161 г. – 1167 г.):

и заславѣ захарѧ въ вѣрь ѿрокѣ не даи те савѣ ни одного песка хотѧ на нихъ емати и самѣ [Зализняк 1995: 295]. Здесь определить значение затруднительно. Возможны два варианта, и А.А. Зализняк это отмечает в переводе: [Зализняк 1995: 296]: "я сам хочу за это взяться", тогда деепричастие предлагает как бы "галлицизм" для этой эпохи. Второй вариант – "Сава хочет сам за это взяться". Но в любом случае эта форма представляется деепричастной.

3) Грамота № 489 (первая половина XIV века):

Ѡ попа .ко монсею.воступисѧ

...[л]ѧ хотѧ бы ти .истерати

...[л]зо во томо.а дома п[р]о.. [Зализняк 1995: 452]. Здесь *хотя* переводится уступительно условным комплексом "если даже".

4) Грамота № 317 (вторая половина XIV века)

...а нынѣ покантесѧ того беззаконна а не то дѣло шканѣное немного поводитъ а тыхъ бы хотѧ и не постыдѣтисѧ [Зализняк 1995: 463]. Это сложное для понимания место А.А. Зализняк переводит как: "Покайтесь же теперь в том беззаконии! А на то дело окаянное немногих попускает; а [вам] бы их хотя б не стесняться (т.е. хорошо бы, чтобы вы хотя бы не боялись осуждения с их стороны)" [Там же]. Эти четыре примера приведены специально для сравнения с неидентичным по семантике и структуре материалом книжных текстов Словаря РАН.

Понимая всю сложность представления функциональной семантики древнерусского материала, после обдумывания различных способов его представления, мы пришли к выводу, что изложение целесообразно строить следующим образом.

Сначала сообщается о некотором сложно определяемом "кусте" значений, полифункционального типа, который соответствует всем анализируемым союзам. После чего представляются менее диффузные моносемантические употребления¹³.

¹³ Графический облик примера точно повторяет тот вид, в котором он представлен в Картотеке. Необходимо уточнить также, что представляются именно **примеры**, а не весь **материал** в Картотеке. Не сообщается также источник для каждого приводимого примера, так как это сильно увеличило бы объем статьи.

Вторая часть описывает семантику указанных трех союзов с распространителями (с вниманием к тем таксономическим трудностям, о которых говорилось выше).

В третьей части сообщаются факты, относящиеся только к одному из союзов – 1) уникальные семантические особенности и 2) не характерный для других распространитель.

В четвертой части делаются некоторые выводы о смысловом и функциональном различиях союзов-частиц *хотя*, *хоти* и *хоть* в древнерусском языке.

5.1. Первый семантический комплекс – "пусть – если – хотя бы".

Хотя:

прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словѣ лживыхъ слушать, Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану.

Хоти – подобные примеры не встретились.

Хоть – ситуация аналогичная.

Второй семантический комплекс – "пусть – если".

Хотя:

нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назваться, повелелъ съсечь его,

как ни ѣсть хотя нетъ согласія между ими и другъ друга укоряеть обаче всѣ согласно заповѣдь магометскую сохраняють.

Хоти:

у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таится, а в князя дѣла еще со мною не дѣлывалъ.

Хоть:

есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яице без огня и рибу хоть без дровъ и без огня¹⁴.

Первое одиночное значение – **уступительности**: "пусть" ("хотя"):

Хотя:

дѣла еси моя милая дѣца хотя ты меня много хулиши і лаещи і без чести і соромотиши а я на тебя не могу злобы ни досады держати,

а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да молитву діавольскую говоритъ,

хотя мнѣ голова своя положить, а тебѣ послужу.

Хоти:

и бояре и дѣяки говорили: хоти государь вашъ въ то время ещо на государстве не былъ .. да въ томъ лихово нѣтъ ничего.

хоти мнѣ шаха лѣта все дожидатца, а къ шаху мнѣ безъ людей не езживать, и говоритъ де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко.

Хоть – примеры не обнаружены.

Второе одиночное значение – **условия**.

Хотя:

а хотя кто что вынеслъ или на поле, на огороды, или въ греблю, то все пламенемъ взялось.

а хотя коли повелимъ имати или на тѣхъ, у кого будутъ грамоты наши жаловальныи, на монастырскихъ людехъ ни тогды никто не емли ничего по сей нашей грамотѣ.

Хоти:

хоти придет к царю и на двор, а свѣдаетъ, что у Леонтья царя Турского или Кизилбашского шаха послы или посланники и ему к царю не ходити, а ѣхати к себѣ на подворье,

¹⁴ Очевидно, что последний пример можно рассматривать как сложное предложение с большой натяжкой, то есть считать часть после *хоть* эллипсисом.

кто украдет хотя что не своих б алтынъ будет хотя дерзнул на государя своего рукою до оружія.

Хоть – примеры не обнаружены.

Третье одиночное значение – **временное** ("когда").

Хотя:

а хотя он после нѣсколько сот годами опят в жидовскую землю пришоу, и онъ все пусто нашелъ.

Примеров с *хоти* и *хоть* в этом значении не обнаружено.

Третье одиночное значение – **минимизации** ("хотя бы").

Хотя:

аще ли кто въ печали челоуѣка призритъ, хотя студеною водою напоит во узоенный ден, не лишен будет царства небеснаго, и ежели иного кого не сыщется, то извольте послать хотя Федосью Грекову, довлѣтъ, чтобъ тѣ анбары, хотя не всѣ, были въ городѣ.

Хоти:

и по ся мѣста мочно было изготовити хотя два отпуска такихъ.

Хоть – примеры не обнаружены.

К этому значению примыкает более общее значение "крайности", доведения до предела: *и такъ тонцовали что и сорочки их хотя выжми отъ поту их*.

5.2. Прежде, чем перейти к семантике анализируемых союзов с "распространителями", в качестве "гибридной" конструкции приведем примеры на **разделительное** значение союза *хотя*, который, дублируясь, передает значения: "или...или; будь то...или" и под.:

а за кормилицѣ 12, тако же и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба, слыши же блаженный Андрѣй, еже вопіаху, помилуй нас, хотя, либо не хотя, нача сѣмѣяти,

а на Кемчике де острог хотя ставити, хотя и нет,

и о томъ объяви Курляничкомъ, и вели збирать, хотя хотятъ, хотя нѣтъ.

Хоти в данном значении не представлено.

Хоть:

а ты де, Савка, ей, царевне, о томъ хоть извѣщай хоть нетъ, я де про то сама съ Ульяною переговорю въ Покровском у церкви, у ранней обедни,

и ты стафъ хоть 1000-чи хоть 100, хоть 10 и опъ томъ не думай, хоть многое число напередъ, хоть малое, толко чтобъ правая сторона была равна.

Несколько смешивая композицию, заметим, что в подобном значении выступает и структура *хотя...или*:

а речетъ тако: хотя богатырь или не богатырь, однако если холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудетъ,

я же вездѣ въ равномъ разстояніи стоятъ не смотря на то хотя прямо или криво идутъ.

5.3. Наиболее частотным распространителем для всех трех союзов безусловно является *и*.

Первое значение – комплекс **уступительности + условия**: "пусть–если–если даже"¹⁵.

Хотя:

а будетъ сыщется, что жили боили трехъ мѣсяцъ и на тѣхъ людей кабалы давать и поневоу, хотя они к ним итти въ холопи и непохотятъ,

¹⁵ Разумеется, *даже* – это почти синоним *и*: Вдова должна и гробу быть верна = *даже* гробу, но семантика *и* часто приближается к грамматикализованности, тогда как *даже* воспринимается более "отчетливо".

ко всемъ милой другъ заежжаетъ, онъ к одной ко мнѣ не заедет, а хотя онъ ко мнѣ и заедет, он тайны мнѣ онъ (так! – Т.Н.) не скажетъ.

Хоти:

а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти,

а хоти и цесарского или королевского или какова вельможного роду къ тому рыцарскому братству пристать хочетъ, сперва долженъ о томъ прошение принести.

Хоть:

а хоть поедет басурман через мою землю, яз и его велю проводить с честью, а то ведь царевич, да мне и свой,

если якій скотъ на що наколется или стрѣлою прострѣленъ будетъ хоть и наскрозь то тимъ коренемъ исцѣлѣется.

Второе значение – одиночное – **чистой уступительности:**

Хотя:

Ляховъ въ мукахъ учили, хотя и сами холопы,

а намъ до Ржевскихъ дѣла нѣтъ, а Хима Ржевской хотя и будетъ Карповыхъ роду и Ржевским с Карповыми далеко разошлись.

Хоти:

и государь вашъ хоти нашимъ рѣчемъ съ тобою и не говоритъ и не повѣритъ, и государь вашъ повѣритъ государя нашего грамоте,

и нынѣ ты братъ мой въ мыслѣ себѣ такъ взялъ, хоти есмь отъ тебя и далече, а ты бы насъ близко себя чинилъ.

Хоть:

климатъ нашъ хоть и суровъ, однако же не всегда же ненастья да туманы, бываетъ и ведро.

Третье значение, также одиночное, – **минимизации**, близкое к современному "хотя бы". Обнаружено только с союзом *хотя*:

обо всемъ что вы нынѣ чините и где обрѣтаетесь, писать по вся недѣли, а не хуже *хотя* и по дважды въ неделю.

5.4. Вторым по частотности распространителем уступительных союзов *хотя* – *хоть* – *хоть* является отглагольная частица *бы*.

Общим семантически является компонент **условно-уступательного** значения: "пустъ/если".

Хотя:

когда лошадь будетъ иметь черные мяса сухи, тогда *хотя* бы имѣла задние кости широки будетъ казатца не статна,

Хоти:

а хоти бѣ государь вашъ надѣ ними что и учинилъ и государь нашъ по своей правдѣ о томъ взысканіе учинить.

Первое одиночное значение – **уступительности**: смысловой показатель "пустъ":

Хотя:

и если, государь, милость ваша к нему будетъ, чтобъ ему объявить чрезъ письмо, *хотя* бѣ, государь, его малымъ потѣшенемъ что дать,

Хоти:

что вамъ мне въ беломъ платьи положить, *хоти* бы язъ и здоровъ былъ, но мысль моя... предложитъ в черничество.

К нему примыкает "субзначение" – "пустъ даже", то есть как бы **усиленная уступительность**:

І Ильдеджерта гораздо лутче убралась, і в консилиуме о войнѣ предлагала такъ порядочно *хотя* бы самому знающему все военные обряды.

Хоти – примеров в этом значении не обнаружено.

Второе одиночное значение – **условия**: "если":

Хотя:

прежде всего надобно смотрѣть воздухъ и положеніе того мѣста гдѣ лошадей содержать. Ибо хотя бѣ кто Аранскихъ, Турецкихъ и Неополитанскихъ жеребцовъ имѣлъ, но ежели мѣсто и воздухъ къ тому неспособно, то никакого успѣху не будетъ

Хоти:

хоти б которая меж Келмашетем... была с Будачеем и с Муцаломъ и ссора и чем было бити челомъ великому государю, а не им, Аллечуке и Хотаджуку... управливатца.

Третье одиночное значение – **минимизации**, некоего изначального, но необходимого минимального отсчета.

Хотя:

и требуетъ от вас хотя бѣ словесно благословили заочно.

Хоти:

онъ бы хоти въ Астрахань послалъ людей своихъ.

• 5.5. Последняя разбираемая нами конструкция является общей для трех союзов, – это их сочетания с показателями **количества**. Будет справедливо заметить, что многие высказывания, приведенные нами выше в качестве примеров на отдельные значения, на самом деле почти синонимичны, и проводимые семантические границы часто искусственны. Кроме того, несомненно, что в приводимых далее примерах *хотя/хоть/хоти* являются, скорее, частицами, а не союзами, недаром В.В. Виноградов (см. выше) именовал их "частицами-союзами".

5.5.1. Комбинация союза с распространителем-показателем *мало*¹⁶.

Хотя:

*а мы нынѣ хотя мало поболим или жена, или дѣтя то стальше бга врага дшамъ и тѣломъ ищемъ проклятыхъ бабъ чаробѣицъ,
печаль преложитъ и отдохнове не хотя мало сотворитъ ми,
а ежели что хотя мало что в доимку упущено будетъ і оная взыскана будетъ на Колской воевоцкой канцеляриі несомненно,
надлежитъ приехать на станъ давать онымъ лошадямъ хотя мало есть отрубей моченьхъ чтоб те отруби прочистили горло.*

Хоти:

хоти маленько побѣлее золотово ся покажетъ то дешевле емли.

Хоть:

что бы, государь, спустити б дней или въ два, что было, то судить хоть мало болѣзни твоей облегчения.

5.5.2. С тем же значением **минимизации** выступает сочетание союза-частицы с числительным *один*:

Хотя:

*аще къ ней прикоснется хотя единымъ словомъ, то не можетъ сей день живѣ быти,
а кто утаитъ хотя одну обжу, а уличимъ его, и мы того скажемъ своимъ государемъ.*

Хоти:

*а ты молви хоти одно то: царево слово на головѣ держу,
яко ни у меня с собою нет, ни в Литве остася, такова хоти едина пищаль, еже столь далеке шествие пути кажет.*

¹⁶ Примеров на эту конструкцию приводится несколько больше, чтобы показать – хотя бы иконически – степень ее распространенности и грамматикализованности.

Хоть:

я готовъ тотчас умереть, говорил Гардвин, ежели у меня хоть одна капля крове что иное думаетъ, кроме спокойствія моея милостивой принцессы,

а будетъ я ... образцовъ против сей млювной записи хоть въ единомъ въ словѣ своемъ не устою.

5.6. Итак, выше были продемонстрированы основные значения уступительности, передаваемой через союзы *хоть/хоти/хоть* и модификации этих значений при введении в высказывания "распространителей" при этих союзах. Нетрудно заметить, что выделяемые значения могут оказаться абсолютно синонимичными в высказываниях с распространителями и без них; наконец, в современном русском языке в одних случаях распространитель был бы элиминирован, а в других – введен. Все это еще раз подтверждает нашу мысль о практически непрерывно работающем "конструкторе", формирующем из частиц компонентов (как указывалось выше, по модели, напоминающей игрушку-калейдоскоп) разнообразные сочетания и комбинации. В языковой эволюции они могут объединяться, и разъединяться, по-разному комбинироваться – именно по указанному принципу.

Кроме того (подобные примеры не приводились из-за боязни слишком перегрузить статью) все эти распространители могут быть представлены в разных внутривидовых сочетаниях. Таким образом, возникают квази-комплексы типа *бы + и*, *бы + и + один*, *будеть + и* и т.д., сходные с теми комплексами клитик, которые известны для синтаксиса древних языков (например, хеттского), для романских языков, для южнославянских и т.д.

В заключение – остановимся на тех комбинациях, которые характерны для одного какого-либо союза из анализировавшихся трех.

5.6.1. В первую очередь это относится к сочетанию *хоть* с инфинитивом. То есть здесь *хоть* выступает в своей исконной функции деепричастия от глагола *хотети*. В современном русском языке такое *хоть* было бы передано как: *желая*.

прииде в Киев Дионисиѣ архиепископъ Суздальскыи... и хотѣ ити на Москву, хотя быти митрополитомъ на Руси,

король бо поведе его на великого князя, хотя разорити христианство, и прихотя он, Сумчалей, ... великую нам тесноту и изгоню чинит, хотя нас к себе в холопи взять и от твое царские милости отлучить,

бедный.. умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти,

имѣмъ примѣръ памятной о взятіи буржа ілі бурга. Того ради что хотя его спасті его отъ здраваго, убереженъ онъ былъ на нуждуумляномъ.

Естественно, что в подобных конструкциях не выступают ни *хоти*, ни *хоть*.

5.6.2. Второй не общераспространенной конструкцией является модель, где в основном выступает *хоти*. Это: *хоти + ино*.

Если в предыдущих примерах *хоть* четко выступает в функции деепричастия, то в этой – несомненная союзная функция *хоти*. Синтаксис соответствует правилу строгого параллелизма двух сообщаемых ситуаций.

Ино можно рассматривать и как целостную лексему, и как частицный комплекс: *и + но*. Тогда он может анализироваться как дистанцировавшееся И, столь обычное для уступительных союзов *хоть/хоти/хоть*, в сочетании со столь же распространенным противительным *НО*, о котором также говорилось в первой части работы. Однако, эта лексема, несомненно, имела диффузную семантику. В "Этимологическом словаре славянских языков" для уровня древнерусского языка *ино* приписывается значение "но", "то", "так и так", "разве", "только" [ЭССЯ, 8: 168]. И.И. Срезневский приписывает ему значения "то", "но", однако несомненно, что ряд примеров и для него остался семантически непрозрачным:

А подале пошедъ, ино темница Господа нашего Иисуса Христа.

А въ црковь ту влезши, ино на правѣ Гурзинскія службы, Гурзи служатъ и т.д. [Срезневский 1958, 1: 1102].

Для указанной конструкции очевидно, что союз (союзная часть?) связывает синтаксически параллельные действия, где обсуждение говорящим второй ситуации обусловлено ситуацией первой:

а говорилъ де брату своему Кедяю Алей царевичъ: хоти де послать проведать про посланника своего про Чирючея ино де послать человека с 2 или с 3,

хоти низокъ толоко, ино огня не страх,

и бояре и дѣяки говорили: хоти государь вашъ въ то время ещо на государстве не былъ, ино отецъ его шахъ... о томъ ко государю нашему приказывалъ, да въ томъ лихово нѣтъ ничего.

5.6.3. Последняя конструкция является не столько не общей для союзов, сколько реликтовой, и потому рассматривается в этом же разделе. Это – сочетание союзов с распространителем *будет* + *и* (без *и* подобная конструкция в Картотеке не была представлена). Все высказывания с *будет* имеют значение **футуральной условности** + **уступительности** (последнее не во всех случаях)¹⁷.

Хотя:

а будетъ проведаютъ или хотя будетъ и Александровых, а посадилъ его шах, к тому новому царю не ходить,

сказал: такова разряду не помню, а хотя будетъ таковъ разрядъ и былъ и Юмранъ былъ менши чюлка,

Азовъ сталъ некрѣпокъ, мочно его взять... только безъ государева повелѣнья учинить того не смѣютъ, хотя будетъ и возьмутъ, а ему, государю, будетъ неприятно, попрежнему Азова у нихъ принять не велитъ.

Хоти:

и того бѣ образа просити за изборскихъ людей пятьдесятъ человекъ, да хоти будетъ къ тому и прибавити, ино прибавити Фому Мотукѣева.

6. Как видно из предшествующего изложения, *хотя*, *хоти* и *хоть* (последнее, как уже говорилось, было представлено в картотеке минимально) по смысловому заданию оказались очень близкими. Формальные различия относятся к уникальному употреблению *хотя* с инфинитивом, а *хоти* – с *ино*.

Есть ли все же какие-то различия между этими союзами на древнерусском уровне? Если есть, то искать их нужно, видимо, на каком-то особом смысловом пласте.

Обратимся к примерам с *хоти* и проанализируем их категориальную структуру:

и бояре и дѣяки говорили: хоти государь вашъ въ то время еще на государстве не былъ, да въ томъ лихово нѣтъ ничего,

и говоритъ де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко,

а нынѣ тебѣ не до того, хоти еси добрѣ силенъ и крѣпкаго умыслу,

а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти.

Ср. примеры с *хотя*:

бей Яловецкой ничего не делаетъ и дѣлать не хочетъ, а хотя спаги и янычене на него кричатъ, что безъ дровъ и безъ воды быти не могутъ, сказываютъ, что дѣлаю, что мнѣ велятъ, хотя бы и пропасть довелось,

послалъ меня къ бугдыханову величеству, и хотя не вразумѣлъ царское величество, какимъ обычаемъ писалъ въ листу своемъ бугдыханово величество,

прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать,

¹⁷ Интересно отметить, что сейчас сочетание *хотя будет* воспринимается как некий не употребляемый архаизм, но в то же время *если будет* вполне укладывается в современные нормы, однако с ощущением полноточности глагола *быть*.

воеводство Поморское и подскарбство Прушское и другое надворное, хотя на многихъ стоитъ, толко указу королевского на нихъ нѣтъ,

а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да молитву діавольскую говоритъ,

себѣ ужъ хотя воняю, да иныхъ не соблазняю,

Фрол Скобеев сказал... хотя живот свои утрачу, а отъ Аннушки не отстану.

Посмотрим на примеры с распространителями.

Примеры с *хотя*:

много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и въдаютъ, что на торгу за слова не продаютъ,

и сказали ему иные рабы, хотя ты и ничего не понесешь, мы нужды не имѣемъ,

лядунки не удобны... одна тягостна, а другая хотя бы и не тягостна, толко къ даннымъ походамъ не вечна.

Примеры с *хоти*:

что хочетъ нашего царствія величества титла и печати учинити, и ты обезумѣвъ, хоти и вселенней назовешься государемъ, да хто тебя послушаетъ,

и того хотимъ, чтобъ тѣ наши подданные, которые ваши гнѣвъ принесли, хоти и поучени будутъ толко бы впереди болши того об нихъ писанья не было,

что вамъ мне въ беломъ платъи положити, хоти бы язъ и здоровъ был.

Итак, как кажется, и в древнерусском языке, два союза: *хотя* и *хоти* отличаются корреляцией акциональных состояний в обоих событиях, соединяемых союзом. *Хотя* соединяет **одновременные** события. *Хоти* связывает **разные по совершаемости** ситуации: при этом могут комбинироваться настоящее и "вечное", настоящее и давно прошедшее, настоящее и будущее и т.д.

Естественно, что интерпретация этого приводит к исходной функции *хотя* как деепричастия настоящего времени, предполагающего акциональную одновременность. Это объясняет тот факт, что *хотя* почти не встречается в конструкциях с *ино*, так как здесь описывается ситуация условная, а не реальная. Это объясняет также частое тяготение контекстов с *хоти* к будущему времени: это и есть сентенциональный рефлекс на происхождение *хоти* от императива.

Таким образом, именно *хоти* оказывается наиболее близким к современному русскому *хоть*, если его рассматривать в противопоставлении *хотя*.

Логически из этого вытекает, что *хоти* было в русском языке вытеснено партикулой *хоть*¹⁸.

7. Последний, поднимаемый в настоящей статье, вопрос – это проблема происхождения союза (частицы) *хоть*.

Как уже указывалось, во многих современных работах *хоть* объявляется либо "фонетическим" вариантом *хотя*, либо его "разговорным" вариантом. Наиболее внимательно к этому вопросу подошел Б. Лавров [Лавров 1941: 118–121]. Он обращает внимание на не анализировавшийся нами вариант уступительного союза *хошь*: *Хошь черта впряги, инъ не тянетъ; Изловя вошь, отпусти хошь* и под. По его мнению, безусловно *хошь* здесь – вариант от *хочеши*, но семантика его стерта и не всегда можно сказать, имеем ли мы дело со сказуемым или с частицей: *Злорѣчивой хошь языкъ отрѣзать, и она перстомъ киваетъ*. Б. Лавров обращает внимание на то, что такое *хошь* часто встречается в северно-русских говорах, где наблюдается и *мошь* вместо *можешь*. В памятниках встречается и форма *хочь* как форма 2-го лица. Б. Лавров полагает, что это форма повелительного наклонения, которая функционирует в роли формы наклонения изъявительного. Что касается *хоть* и *хоти*, то обе

¹⁸ Процесс вытеснения *хоти* партикулой *хоть*, очевидно, нужно прослеживать, начиная со второй половины XVIII века. По данным Словаря русского языка XI–XVII вв. это сделать не удалось.

они, по мнению Б. Лаврова, являются формами повелительного наклонения. *Хоти*, по его данным, встречается редко, а *хоть* связано главным образом с фольклорными текстами (напоминаем, что речь идет о древнерусском языке). Далее, Б. Лавров сомневается и в общепринятом мнении (которое он, однако, принимает) о том, что *хотя* – наиболее распространенный союз современного русского языка – является изначально причастно-деепричастной формой. Дело в том, что в польском языке ему эквивалентен союз *chocia*, тогда как нормативное соответствие русским деепричастным формам должно иметь на конце носовое *a*. "Так как русск. *хоть* не вполне соответствует польск. *chocia*, то это заставляет с большой осторожностью определять исходную форму союза" [Лавров 1941: 121].

Однако, по нашему мнению, более загадочным является генезис формы *хоть*.

Возможны при этом следующие гипотезы.

1) Это форма повелительного наклонения, имеющая функционирование в диалектах, подобно *положь*, *глянь*, *становь* и под., и перешедшая в современный язык после вытеснения *хоти*, которое, как мы старались показать, в древнерусском языке было аналогичным современному *хоть*. Тогда неясно – почему *хоти* была вытеснена, во-первых, и когда именно возникла эта диалектная форма, во-вторых?

2) *Хоть* является "фонетическим вариантом". Но – какой формы: от *хотя* или от *хоти*? Скорее, вероятно второе, так как *хоти* исчезло из употребления. Тогда можно построить теорию двух *хоть* и "новое" *хоть* могло совпасть со "старым" и диалектным. Важно осознать, что существует еще чисто "металингвистическая" привычка определять диалектные формы, как некие "отражения" литературных, и тем самым им приписывать – хотя бы неявно – историческую вторичность.

3) Можно предположить иначе: на каком-то периоде развития русского языка (вероятно, это период постпетровский) произошло перераспределение функциональной парадигмы трех лексем: *хотя/хоти/хоть* (последнее из некоей параллельной "народной" формы). *Хоть* стало восприниматься и описываться как вариант от *хотя*, что фонетически было облегчено ударением на первом слоге в слове *хотя*, на самом же деле оно разделило с ним ряд функций (как мы показывали выше), а *хоти* было вытеснено как функционально избыточное.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АГ-1954 – Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.
АГ-70 – Грамматика современного русского языка. М., 1970.
АГ-80 – Русская грамматика Т. II. Синтаксис. М., 1980.
Белошапкова В.А. 1967 – Сложные предложения в современном русском языке. М., 1967.
Богомолова А.В. 1955 – Уступительные конструкции с союзом *хотя* (*хоть*) в современном русском литературном языке. Автореф. ... канд. дис. Л., 1955.
Валгина Н.С. 1971 – Сложноподчиненное предложение в современном русском языке. М., 1971.
Виноградов В.В. 1972 – Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
Евтюхин В.Б. 1996 – Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
Ильенко С.Г. 1996 – О "грамматическом объеме" уступительных сложноподчиненных предложений // Ленинградский пед. ин-т. им. А.И. Герцена. Герценовские чтения 19. Программа и тезисы докладов. Филол. науки. 15 апреля – 25 мая 1996. Л., 1996.
Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. 1997 – Союзы и частицы *а*, *но* и *ну* в русской диалектной речи // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
Кухаревич Н.Е. 1955 – Сложно-подчиненные предложения с уступительной придаточной частью в современном русском литературном языке. Автореф. ... канд. дис. М., 1955.
Лавров Б.В. 1941 – Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М., 1941.
Ляпун М.В. 1986 – Смысловая структура сложного предложения. текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

- Николаева Т.М. 1969 – Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
- Николаева Т.М. 1985 – Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Николаева Т.М. (в печати) – *Хотя и хоть* в исторической перспективе.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. 1912 – Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
- Павловский В. 1911 – Существуют ли в русском синтаксисе придаточные уступительные предложения // Филол. зап. Вып. 1. 1911.
- Перфильева Н.П. 1977 – Являются ли *хотя и хоть* вариантами? // Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Филология. Новосибирск, 1977.
- Перфильева Н.П. 1984 – Уступительно-противительные конструкции с двусторонней связью в современном русском языке. Автореф. ... канд. дис. Томск, 1984.
- Пешковский А.М., 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Пешковский А.М. 1959 – Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // А.М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959.
- Санников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М., 1989.
- Срезневский И.И. 1958 – Словарь древнерусского языка. Т. II. М., 1958.
- Срезневский И.И. 1959 – Словарь древнерусского языка. Т. III. М., 1959.
- Теремова Р.М. 1986 – Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке. Л., 1986.
- Фужерон И. 1977 – Между сочинением и подчинением: *хотя* в современном русском языке // Докл. на XVII Международном лингвистическом конгрессе 20–25 июня 1977 г. Париж, 1977.
- Фужерон И. 1998 – Не заблудиться бы в трех *хотя* // ИАН СЛЯ. 1998. № 3.
- Шувалова С.А. 1997 – Сложное предложение // Энциклопедия "Русский язык". М., 1997.
- ЭССЯ 1981 – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981.
- Fougeron I. 1987 – A et no, deux conjonctions synonymes? // Les particules énonciatives en russe contemporain. P., 1987.
- Karcevskij S. 1956 – Deux propositions dans une seule phrase // Cahiers F. de Saussure. 1956. № 14.
- Perrot J.-Ch. 1971 – Problèmes de structures appliquées au messages // Mélanges offerts à Aurelien Sauvageot pour son 75 anniversaire. Budapest. 1971.